

Глава 2. Первая проба сил

Хуа Чжундао распорядился подготовить для Янь Хуайлина гостевые покои, чтобы тот мог отдохнуть перед завтрашней дорогой. Убранство комнаты дышало строгой, почти аскетичной изысканностью: старинная мебель, лаконичные линии. Хуайлин, оглядев тяжелые стулья из красного дерева, лишь усмехнулся — по его мнению, даже если бы он просидел на таком троне вечность, благородства в его облике не прибавилось бы ни на йоту.

Вскоре стены комнаты начали на него давить. Не в силах усидеть на месте, он по-хозяйски покинул поместье и отправился бродить по городским улицам.

Несмотря на поздний час, город гудел, точно растревоженный улей. Муцюань, конечно, уступал в размахе Гуаньчжоу, но пестрота лавок и ароматы уличной еды кружили голову не меньше. Янь Хуайлин неспешно прогуливался, обмахиваясь веером. На сей раз у него даже не было настроения заигрывать с хорошенькими горожанками. Его внимание привлекла вывеска «Дуйфэнинь» — лавки, из которой доносился многоголосый шум. Любопытство взяло верх, и он решил заглянуть на огонек.

Кое-как отыскав свободное место на втором ярусе, он позвал слугу. Оказалось, название «Дуйфэнинь» лавка получила благодаря своей фирменной настойке — «Смеху ветра». Считалось, что после первой чаши гость начинает бормотать под нос, после второй — беспричинно смеяться, после третьей — распевать песни, а после четвертой — погружается в глубокие сны.

В Гуаньчжоу такого крепкого зелья Хуайлину пробовать не доводилось, и он, не раздумывая, заказал целый кувшин. В ожидании заказа он прислушался к разговору за соседним столом — лучший способ узнать, чем дышит Муцюань.

— Слыхали? В Янхуа, на севере, объявился новый мастер из Золотой гвардии, — хмельным голосом вещал один из забулдыг в грубой одежде. — Зовут Гуань Шэн.

— Это из людей лингуаня Го?

— Говорят, его назначили новым командующим в гвардии.

Хуайлин, скрыв усмешку за веером, продолжал внимательно слушать.

— В ночь новолуния будет состязание гвардейцев. Как думаете, кто возьмет верх?

— Тут и гадать нечего: Цзан Е из Ваньлина.

— Ох, не скажи! — возразил другой. — Золотой гвардеец Цзан, может, и силен, да только на состязаниях он гость редкий. К тому же слава его гремела лет двадцать назад, когда он еще

оберегал Его Величество. Сейчас он уже не тот — годы берут свое, и молодым он по силе и выносливости не чета.

Хуайлин едва не расхохотался. Слышать подобные речи о суровом воине было забавно. Пусть он и не скрещивал с Цзан Е клинки, но одной его ауры, подавляющей всё вокруг, было достаточно, чтобы понять: мощь этого человека — лишь верхушка айсберга. Те, кто судит о нем лишь по возрасту, в будущем неизбежно станут посмешищем.

— В те времена Цзан Е и впрямь не было равных, — подхватил третий. — Его Величество и империю-то удержал во многом благодаря тому, что гвардеец Цзан вовремя его заслонил.

— Да и сейчас, боюсь, до него никому не дотянуться.

— Слова — вода. Вот если бы увидеть его в деле в этом году, это была бы удача.

— Будь он хоть трижды мастером, а Гуань Шэну проиграет, — не унимался первый спорщик. — Поговаривают, Гуань Шэн когда-то схлестнулся с тем самым Хэйянем, неуловимым вором из Тайяня. И так отделал этого «Черного гуся», что тот со страху из Поднебесной исчез, несколько лет носа не кажет.

— Неужто настолько силен?

— А то! Говорят, он из школы Янхуа. Если так, Цзан Е первенства не видать.

Слушая это, Хуайлин так довольно замахал веером, что не выдержал и тихо прыснул. Оказывается, его «уход на покой» оброс такими невероятными подробностями!

Его смешок не остался незамеченным. Соседи притихли и недружелюбно уставились на него.

— У господина есть иное мнение? — процедил один из них, отставляя чашу.

— Я лишь нахожу ваш рассказ весьма занимательным, — мягко ответил Хуайлин, слегка поклонившись. — Продолжайте, не смею мешать.

— Если вы не согласны, назовите своего героя, а мы уж оценим.

Как раз в этот момент принесли заказ. Хуайлин небрежно наполнил чашу и салютовал компании:

— Я вовсе не хотел вас задеть. Прошу прощения.

С этими словами он осушил чашу. Напиток оказался обманчиво прохладным, но в следующее мгновение обжег горло неистойвой остротой. В голове зашумело, мысли закружились, точно луна в облаках.

— Видать, не доводилось господину пробовать нашего ваньлинского зелья? — забулдыги, заметив его замешательство, загоготали. — Вид-то у тебя книжный, как у ученого мужа, а толку чуть.

Эти люди были еще вежливы. Выполняя задания в глуши Тайяня, Хуайлин сталкивался с отребьем куда более гнусным. Решив не тратить на них время, он налил вторую чашу, надеясь отыскать обещанный «смех» в тумане опьянения.

Раздраженные тем, что их игнорируют, собутыльники поднялись и обступили его стол. Слуга попытался было вмешаться, но его грубо оттолкнули — бедняга отлетел к соседнему столу, рассыпав посуду. Остальные посетители поспешили ретироваться, опасаясь попасть под горячую руку.

Вторая чаша разлилась по телу приятным теплом, похожим на весенний прилив. Радость забурилась в жилах, накатывая волнами. Хуайлин расплылся в улыбке и, обернувшись к одному из верзил, подначил:

— Неужто вам так дорог этот Гуань Шэн, что и слова против не скажи? Какая трогательная преданность, я просто в восхищении.

Один из мужчин, вскипев от ярости, потянулся к воротнику Хуайлина, но тут же получил болезненный удар веером по руке. Остальные, видя, что их товарищу досталось, разом бросились на обидчика.

Хуайлин легко, словно пушинка, взлетел вверх, на мгновение коснувшись стопами макушки одного из нападавших, и весело рассмеялся. Тот попытался схватить его за ноги, но Хуайлин, изящно извернувшись в воздухе, наотмашь ударил его сложенным веером по лицу. Мужчина с воплем повалился на пол.

Не помяв одежду, Хуайлин приземлился, обжег оставшихся двусмысленным взглядом и молниеносно наполнил третью чашу. Пока он картинно выпивал ее, к нему подскочил еще один противник. Хуайлин лишь слегка качнул кистью — пустая чаша полетела в лицо нападавшему, точно метательный снаряд.

Когда на него навалились последние двое, он снова подпрыгнул, на лету дважды пнул их в спины и, пока те летели носом в стол, уселся верхом на одного из поверженных. Скрестив ноги и картинно раскрыв веер, он запел:

— Тот, кто жаждет власти, не знает её сути; тот, кто алчет сердца, теряет саму жизнь! Пытаться вырвать старое ради нового — тщетный труд; искать истину в пороке — позор для

духа! Стыд и срам тому, чья честь пуста!

Допев, он ловко спрыгнул на пол, пока люди под ним еще пытались барахтаться, и допил последнюю чашу из кувшина.

— Доброе вино!

Не обращая ни на кого внимания, он нетвердой походкой вышел из лавки. Никто не посмел его остановить. Сделав несколько шагов в сторону поместья Хуа Чжундао, он почувствовал, как земля уходит из-под ног, и повалился прямо на мостовую, проваливаясь в беспамятство.

Когда он открыл глаза, в ушах стоял тихий плеск воды. Голова раскалывалась. Потолок казался знакомым — присмотревшись, Хуайлин понял, что находится в тех самых гостевых покоях.

С трудом приподнявшись, он увидел служанку, которая осторожно разливала чай. Девушка так вздрогнула от его резкого движения, что чуть не выронила чайник.

— Который час? — спросил он, приходя в себя.

— Четвертая стража, господин, — пролепетала она.

Заметив её страх, Хуайлин не удержался от привычной любезности.

— Не бойся, — он мягко коснулся её подбородка, улыбаясь. — Скажи-ка, какой благородный муж доставил меня сюда вчера?

Служанка, очарованная его улыбкой, немного расслабилась.

— Господин Цзан.

Хуайлин опешил.

— Цзан Е?

— Именно так.

«Неужто?» Представив, как этот суровый красавец несет его на руках, Хуайлин почувствовал странный азарт. «Неужели он вчера тайно за мной следил?»

Но девушка быстро развеяла его фантазии:

— Вчера воины поместья были в городе по делам и наткнулись на вас. Вы спали так крепко прямо посреди улицы, что собралась целая толпа. Ни добудиться вас не могли, ни поднять. Пришлось звать господина Цзана.

Хуайлин вспомнил о своей защитной технике Шаньши Шуйянь и всё понял. Видимо, перед тем как окончательно опьянеть, он на инстинктах применил это искусство, сделав свое тело неподъемным для обычных людей. Тот факт, что Цзан Е сумел взломать его защиту и притащить в поместье, вызвал у Хуайлина невольное уважение. Простому смертному не хватило бы внутренней силы сдвинуть его с места.

Пока он размышлял, в дверь постучали.

— Господин Янь, вы проснулись?

Голос был незнакомым — вероятно, один из воинов Хуа. Хуайлин быстро поднялся, сменил одежду на свежую, белоснежную, и, вооружившись веером, открыл дверь.

— Господин Цзан ждет в главном зале, — сообщил воин, окинув его взглядом.

«А он скор на подъем».

Хуайлин кивнул и неспешно направился к залу. Хуа Чжундао уже ждал их. Дав последние наставления, он велел им отправляться в путь. Цзан Е, словно каменное изваяние, застыл рядом с хозяином дома, безучастно глядя перед собой.

Когда гвардеец подошел ближе, Хуайлин впервые получил возможность рассмотреть его так детально. Цзан Е был почти на голову выше. Несмотря на то, что время оставило свои следы на его лице, это ничуть не портило его — напротив, в нем чувствовалась статная, суровая красота.

В лавке говорили, что он служил императору еще двадцать лет назад. Если тогда он был юношей, то сейчас ему должно быть за сорок? Но выглядел он гораздо моложе — при первой встрече Хуайлин не дал бы ему и тридцати с небольшим.

Гвардеец, разумеется, не знал, о чем размышляет его спутник, но долгий пристальный взгляд заставил его нахмуриться. Не проронив ни слова, он выразил свое недовольство, и Хуайлин, сочтя это забавным, отвел глаза.

«Пусть ему хоть пятьдесят, красавец есть красавец». Жажда подразнить этого ледяного воина вспыхнула в нем с новой силой.

Попрощавшись с Хуа Чжундао, они отправились в путь. В отличие от Хуайлина, который ехал налегке, Цзан Е взял с собой багаж. Одетый в невзрачные черные одежды, он шагал уверенно и твердо. Хуайлин ехал рядом несколько ли, но так и не смог вытянуть из спутника ни слова.

Им предстояло начать поиски «Медицинских записей» в землях Ваньлина, но регион был огромен, и с чего именно начинать, они представляли слабо. Любые другие спутники уже вовсю обсуждали бы план действий, но Цзан Е хранил гробовое молчание, словно Хуайлина и вовсе не существовало.

К полудню Хуайлин, не привыкший к столь унылой компании, решил, что после обеда отправится в Инчжоу в одиночку. Поддразнивать красавца приятно, когда есть хоть какая-то реакция, но биться головой об лед — занятие утомительное. Холодный стиль Цзан Е хорош для созерцания, но никак не для близкого общения. Прикоснувшись к такому человеку, рискуешь обжечься холодом, а Хуайлин предпочитал легкое скольжение по поверхности, не желая увязать в чужой стуже.

Муцюань хоть и был столицей региона, но именно поэтому здесь было слишком много глаз и ушей. Если бы записи были здесь, их бы давно нашли. Да и город этот не славился своими лекарями. Чтобы найти искомое, нужно было искать обходные пути.

Приняв решение, Хуайлин присмотрел приличную таверну.

— Господин Цзан, не желаете ли отобедать здесь?

Цзан Е окинул взглядом заведение и коротко ответил:

— Хорошо.

Они вошли и заказали несколько простых блюд. Когда еду принесли, Хуайлин начал:

— Господин Цзан, боюсь, дальше нам придется разделиться.

Тот продолжал есть, не поднимая глаз, но слушал внимательно.

— Лингуань Хуа не ставил условия, что мы должны быть неразлучны, — начал выдумывать оправдания Хуайлин. — К тому же, если мы разойдемся, дело пойдет вдвое быстрее. Я отправлюсь на запад, в Инчжоу, а вы — на юг, в Нинчжоу. Разве не разумно?

Цзан Е отложил палочки и сухо отрезал:

— Нет.

Хуайлин опешил. Он ждал возражений, но не такой категоричности без единого объяснения.

— У вас есть иные соображения? — недоуменно спросил он.

Цзан Е наконец поднял на него взгляд:

— А по какой причине вам так нужно ехать одному?

Этот вопрос ударил не в бровь, а в глаз. Очевидно, скрыть свои истинные намерения и заняться расследованием дела о «лже-Хэйяне» будет непросто. Хуайлин быстро сменил тактику:

— Тогда, быть может, вы согласитесь поехать со мной в Инчжоу?

— Инчжоу — родина великого лекаря Цянь Чэньцзюня. Вполне логично начать оттуда.

Хуайлину оставалось только развести руками. Оказалось, его спутник вовсе не был простоватым воином — у него, похоже, был свой план еще до того, как они покинули поместье. Если не получается избавиться от этого «надзирателя» сейчас, придется искать способ в дороге.

Хуайлин не сомневался: вспомни он свои былые навыки «Черного гуся», стряхнуть хвост для него было бы парой пустяков. Проблема была лишь в приличиях. Если удастся обмануть гвардейца словами — прекрасно, но если дело дойдет до открытого противостояния, он не был уверен, что сможет выйти победителем.

Остаток обеда прошел в тишине. После они выдвинулись в Инчжоу. Хуайлин оседлал своего скакуна, подаренного лингуанем Цзяном, а Цзан Е вел под уздцы великолепного вороного коня.

Выехав на тракт, Хуайлин не удержался от восхищенного возгласа:

— Неужто это конь породы Дайтэн из северного Янхуа?

Цзан Е покосился на него:

— Он самый.

Хуайлин невольно зацокал языком. Кони Дайтэн были легендой Севера. Чистокровные, выносливые, яростные в бою, они обладали феноменальной памятью и преданностью. Говорили, что такой конь признает лишь одного хозяина до самой смерти, а если тот погибает — уходит вслед за ним.

— Подарок лингуаня Хуа?

Цзан Е промолчал. Его лицо оставалось непроницаемой маской. Хуайлин вздохнул. Его не слишком интересовало прошлое спутника, но эта манера отвечать через раз начинала утомлять. Цзан Е мастерски скрывал эмоции, и его речи были безупречно выверены.

Впрочем, в одном Хуайлин был уверен: в отличие от него самого, Цзан Е был человеком чести. Он мог молчать, мог быть суров, но он никогда бы не опустился до лжи. Сам же Хуайлин не гнушался никакими средствами, если они помогали достичь цели.

Через три дня они прибыли в Инчжоу. Поиски в городе не приносили плодов. Хуайлин понимал: чтобы найти зацепку, ему нужно действовать как Хэйяню — проникать в частные дома, подслушивать то, о чем не говорят средь бела дня. Но под присмотром гвардейца это было невозможно.

Остановившись на постоялом дворе, Хуайлин решил действовать ночью. Дождавшись, пока за стеной всё стихнет, он оставил на кровати записку и, словно тень, выскользнул в окно.

Он стремительно пролетел по крышам несколько ли и уже собирался переодеться в наряд вора, как вдруг перед ним мелькнула тень. Скорость и легкость движения заставили Хуайлина вздрогнуть.

Он резко остановился. В трех шагах перед ним, скрестив руки на груди, стоял тот самый «спящий» гвардеец.

Ну конечно. Мастер такого уровня не мог не заметить его ухода. Глупо было недооценивать противника.

Мгновенно нацепив на лицо привычную беззаботную маску, хотя на душе кошки скребли, Хуайлин протянул:

— О, господин Цзан! Какая неожиданная встреча.

Взгляд Цзан Е, казалось, пронзил его насквозь. Он медленно достал из-за пазухи записку Хуайлина.

— И что это значит?

Хуайлин решил больше не играть в прятки:

— Я еще днем ясно изложил свои намерения. Не делайте вид, что не понимаете.

— Вы всё ещё намерены уйти?

— Именно так.

— Боюсь, у меня есть приказ, и я не могу вас отпустить.

Хуайлин прищурился. Хуа Чжундао явно не был простаком. Для такого преданного воина, как Цзан Е, вопрос о том, ехать ли им вместе, не имел бы значения, если бы не прямой приказ хозяина следить за спутником.

— А если я всё же решу уйти?

Вместо ответа Цзан Е выхватил два коротких меча.

«Вот так сразу?»

Хуайлин хищно улыбнулся и, не медля ни секунды, рванулся назад, перелетая на соседнюю крышу. Обучаясь в Тайяне, он владел классическими техниками, но, став вором, переключил их под себя. Его техника маскировки Цзиншуй Мицюань была безупречна.

Однако Цзан Е был неумолим. Попытаться скрыться под своим настоящим именем было трудно — Хуайлин не мог использовать все приемы «Черного гуся», чтобы не раскрыть себя, и полагался на Яньго Ухэнь. Но как бы он ни петлял, гвардеец неизменно преграждал ему путь. Его мастерство было на голову выше всего, что Хуайлин видел до сих пор.

Ему хотелось схлестнуться с этим человеком в полную силу, но глубокая ночь и близость жилых домов не позволяли устроить полноценное сражение. Перейдя от резких движений к мягким, Хуайлин закружился в танце с веером. Воздух наполнился призрачным светом и тонким ароматом — не дав врагу приблизиться, он разделился на три призрачные тени, сбивая гвардейца с толку.

Цзан Е нахмурился от ярких вспышек, но взгляда не отвел. Взмах меча — и две белоснежные молнии распороли воздух, ударив по фантомам. Тени не шелохнулись, лишь продолжали вызывающе улыбаться. Но когда призрачная стена уже готова была сомкнуться вокруг него, Цзан Е резко развернулся и нанес удар назад.

Хуайлин, собиравшийся зайти со спины и ударить по точкам, едва успел отпрянуть. Острый меч гвардейца рассек воздух в волоске от его груди. Отступив на десяток шагов, Хуайлин снова взлетел вверх, но на сей раз Цзан Е не дал ему шанса. Мощная волна истинной энергии обрушилась сверху, точно водопад, и прежде чем Хуайлин успел среагировать, гвардеец молниеносно сократил дистанцию и вцепился ему в горло.

Удар веером, веером Яньюй-бяо (дротиков из перьев дикого гуся) заставил Цзан Е на миг

отступить. Но стоило Хуайлину собраться для нового выпада, как гвардеец исчез.

В следующую секунду ноги Хуайлина сковал могильный холод. Два энергетических дракона взметнулись из-под черепицы, намертво обхватив его лодыжки. В ушах зазвенело от рева и стона — потоки энергии хлынули со всех сторон, перекрывая дыхание.

Это была техника Цяньлун Сишуй из школы Цзюньту!

Хуайлин оказался полностью обездвижен. Он не мог даже взмахнуть веером, а давление на грудь мешало дышать. Он уже приготовился защищаться из последних сил, как вдруг всё исчезло. Цзан Е стоял перед ним, невозмутимо убирая мечи в ножны.

Хуайлин тяжело дышал. Он взглянул на пояс спутника: четыре меча. Два коротких с гравировкой драконов и два длинных с фениксами. Он не продержался и до того момента, как гвардеец вынул длинные клинки.

Пусть Хуайлин и не использовал свои козыри, он ясно видел: сила Цзан Е была колоссальной. Титул «Первого меча империи» не давали просто так. Даже в лесу, при полной свободе действий, одолеть такого противника было бы почти невозможно.

От былой легкомысленности на лице Хуайлина не осталось и следа. Он смотрел на гвардейца с мрачной обидой. Тот же выглядел так, будто и не вступал в бой.

— Возвращаемся, — бросил Цзан Е и, не оборачиваясь, пошел назад.

Хуайлин почувствовал, как внутри всё закипает. Какое унижение! Этот человек подставил ему спину, абсолютно не опасаясь нападения. Это был высший знак пренебрежения к его силе.

— Господин не боится удара в спину? — процедил он, не двигаясь с места.

Цзан Е даже не замедлил шаг.

Хуайлин стиснул зубы. «Если бы я дрался всерьез, тебе бы не было так просто!»

Могучая фигура впереди удалялась, но давление, которое она оказывала, казалось, только росло. Похоже, это путешествие будет куда сложнее, чем он себе представлял.